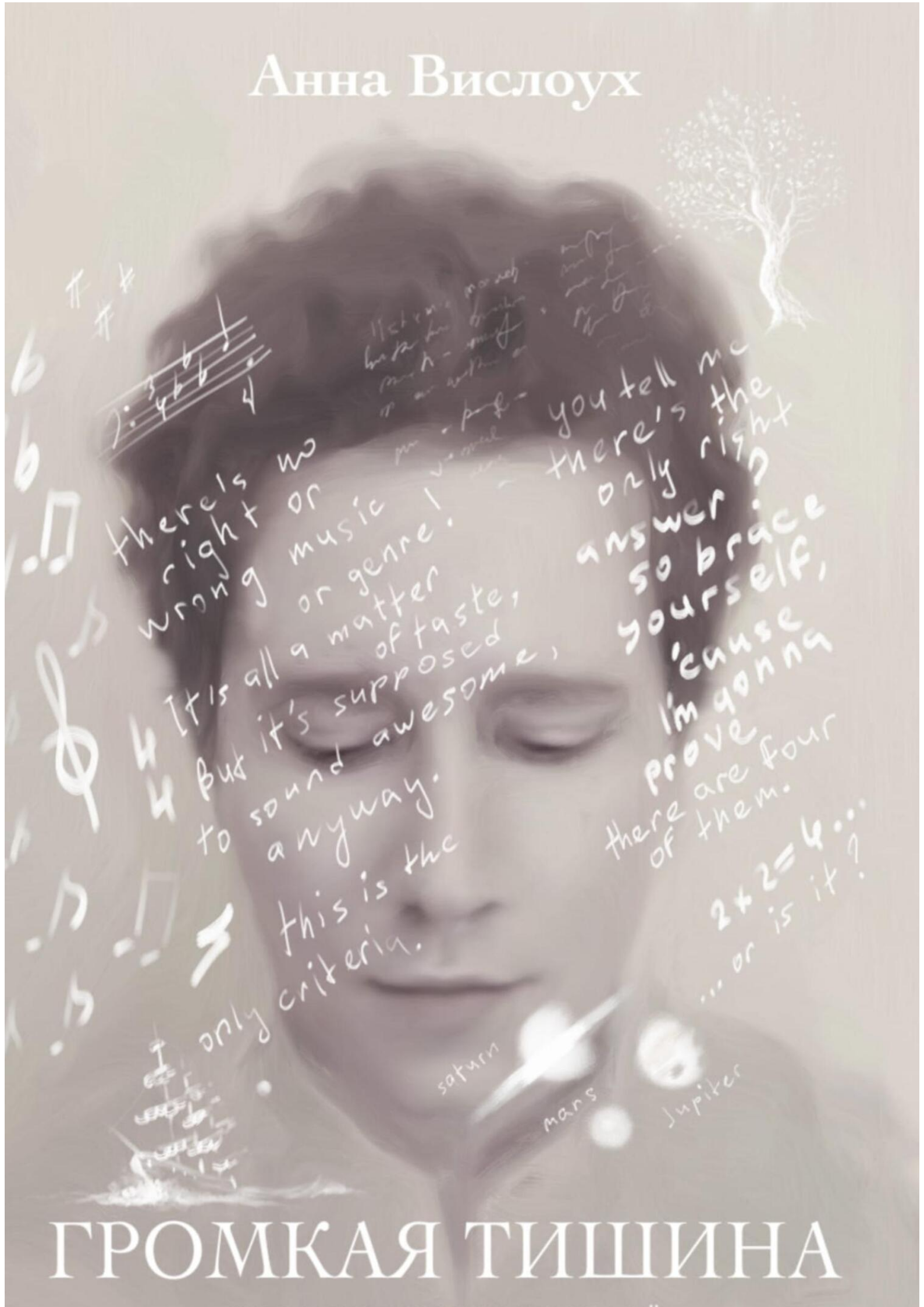

Анна Вислоух

ГРОМКАЯ ТИШИНА

Анна Вислоух

**Громкая тишина. Исповедь
матери нестандартного ребенка**

«Автор»

2023

Вислоух А.

Громкая тишина. Исповедь матери нестандартного ребенка /
А. Вислоух — «Автор», 2023

Сегодня в России нет статистики, показывающей, скольким людям с расстройством аутистического спектра удастся окончить вузы. И знает ли кто-то еще, кроме специалистов, о существовании таких людей? Это первая история успеха человека с РАС, с помощью своей семьи прошедшего путь от ребенка с диагнозом «задержка развития» до студента американского университета. История, написанная его матерью. Основная мысль этой книги — дайте своему «неправильному» ребенку шанс думать и действовать по-другому.

Содержание

Пролог	6
Как я вымаливаю у святого чудо, а простую справку выпросить не могу	7
Как я провожу эксперимент по «выращиванию» дочери, а сын впервые заявляет о своих желаниях	11
Как на нас напала гидра, а мы одержали над ней победу	15
Как меня спас крест, а потом мне стало тяжело его нести	19
Как к нам начинают стучаться проблемы, а мы от них беспечно отмахиваемся	25
Как я не любила узкие рамки, но попыталась запихнуть в них сына	29
Как Тим находит друга в трещине, а комиссия находит у него задержку развития	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Вислоух
Громкая тишина. Исповедь
матери нестандартного ребенка

Основано на реальных событиях.

Имена действующих лиц изменены.

Все совпадения случайны.

Пролог

Я часто примеряю чужую жизнь на себя. Люблю в окна смотреть. В чужие окна. Еду вечером по улицам города в автобусе и провожаю взглядом каждое светящееся в ночи окно. Думаю – что за люди там живут? И придумываю истории про них. Вот мелькнула в окне чья-то тень, и я уже знаю – это одинокая женщина, она подошла задернуть занавеску. Сейчас снимет тапочки, заберется с ногами в глубокое кресло, будет пить горячий чай и читать любимую книгу. Или фильм смотреть – старый, советский. Может, и голливудский, довоенный. И такая квартира у нее уютная, тихая, словно ангелы по ней летают. А то, что женщина одинокая, ну так и что ж! Я лично ей завидую...

Господи, что я плету! Слышала бы меня сейчас реальная одинокая женщина, которая не одну подушку насквозь слезами промочила! Нет, я не иронизирую, я за эти истории прячусь, выдумываю на самом деле не их жизнь, а свою. Чтобы хотя бы чуть-чуть, несколько секунд, за которые промелькнет в окне чей-то силуэт, пожить этой придуманной жизнью, так не похожей на мою. Я словно дрейфую во мраке, как отколовшаяся от материка льдина. Вот и чужая жизнь удаляется от меня на другой берег...

А еще мне дома нравятся – не многоэтажные муравейники, а старые, подслеповатые избушки в лесу. Представляете, какая там тишина?! Только кот мурлычет громко, да дрова трещат в печи. И никаких проблем! Ну отпустите – хоть на пару дней! Кого прошу? Я и сама не уеду... Помечтала – и хватит. Вот окно нашей квартиры. Оно светится. Меня там ждут. Муж. Дочь. И сын.

У матери спросили:

– Кого из детей ты любишь больше всего?

Мать ответила:

– Младшенького, пока не вырастет! Заболевшего, пока не выздоровеет! Вышедшего из дома, пока не вернется! И каждого, пока я жива!

Как я вымаливаю у святого чудо, а простую справку выпросить не могу

Сын быстро стучит по клавиатуре, а на экран будто выскакивают из-под его пальцев ровные строчки английских слов, половина из которых мне непонятна. Я подхожу к окну. В декабрьской тусклой ночи сыплет редкий, будто и вправду у какого-то скупердя занятый снег. Шуршат шинами запоздалые машины, голые ветки деревьев слабо дрожат на стеклянном ветру... Совсем скоро начнется новый день. А с ним и новая жизнь. Наша новая жизнь.

Десять минут назад Джонатан, куратор из американского университета Full Sail при киностудии Universal написал, что мой сын стал студентом этого известного учебного заведения. Ну и что тут такого? Ежегодно студентами по всему миру становятся тысячи и миллионы молодых людей, в том числе и за границей. Только мой сын – не такой как все. Хотя мне больше всего на свете всегда хотелось именно этого. Чтобы был одним из многих, обычным, сначала мальчишкой, потом молодым человеком: футбол, пиво по выходным, институт, девчонки... Мой сын – дислексик с синдромом Аспергера.

Я прислоняюсь горячим лбом к холодному декабрьскому окну и вспоминаю, как несколько месяцев назад бегала по знакомым психологам и психиатрам с просьбой дать справку о том, что у сына дислексия. Как-то наткнулась на информацию о том, что за рубежом дети-дислексики получают дополнительно к результатам экзамена полбалла. Или им дают другое задание, где учитывается эта особенность. Правда, должен быть официальный диагноз, подкрепленный документально. Я ухватилась за эту идею, как за спасительный канат хватается матрос, выброшенный в бурю с палубы корабля. А что, если... Но как такую справку раздобыть? Ведь в детстве официально дислексию Тиму не ставили, в те годы отделялись общим «задержка психоречевого развития» и этим штампом «ЗПР» словно клеймили ребенка, не вдаваясь в «ненужные» подробности. Я несколько дней слонялась по кабинетам специалистов: некоторые еще с детства знали моего сына и понимали его проблемы. Но справку такую мне никто не дал. Правда, в психоневрологическом диспансере предложили положить его на обследование, а потом, может быть... Ну нет уж, сами туда ложитесь! А мы как-нибудь обойдемся!

– Ведь обойдемся, Тим?

Я с надеждой смотрю на него. Мне, не ему, нужна сейчас поддержка, его уверенность, что и без этой проклятой справки он экзамен сдаст.

– Ну... – Тим колеблется, вижу, что он все-таки растерян – ведь я обещала! Я сама растеряна – за столько лет уже обзавелась гигантским опытом по выполнению задачи «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что», а тут... не смогла.

– Если на чтении мало баллов наберу, на разговоре дотяну. Все-таки это мое сильное место, – Тим повторяет эту фразу несколько раз, сам себя успокаивая. И меня тоже.

Но после того, как Тим сдал экзамен, оказалось, что ему все-таки не хватает этих несчастных полбалла... Усталость, волнение, словом – экзамен, и этим все сказано.

Еще не зная об этом, я стою в храме на службе в честь святого Николая Чудотворца и молю его о чуде. Я прошу помочь моему ребенку, который уже два года упорно готовится к экзамену по английскому языку, чтобы поступить в этот университет. Готовится сам, по разработанной им системе, созданной на основе всего обнаруженного в Интернете, что имело хоть какое-то отношение к изучению языка. И это уже вторая попытка.

«Николай Чудотворец, миленький! – я обращаюсь к святому, как к человеку, от которого зависит вся наша дальнейшая жизнь. – Прошу тебя, помоги ему! Он так старался и очень хочет там учиться! Это его мечта. Ну что тебе стоит, ведь ты можешь все!»

Эта далеко не каноническая молитва погружает меня в состояние, близкое к трансу. И все-таки я не понимаю, слышит ли меня Святитель, и что нужно сделать еще, чтобы услышал. Мой безмолвный вопль вырывается из сердца и на секунду замирает, окутанным облаком над иконами под куполом храма. Я словно вижу, как эта отчаянная мольба улетает туда, в небеса. Ну кто-то же должен ее услышать!

Экран компьютера светится ровным доброжелательным светом. Джонатан еще раз подтверждает, что мой сын стал студентом. А недостающие полбалла... Моя молитва до Николая Чудотворца все-таки добралась! Да и люди там, в ужасно далекой Америке, чудесные. Я их люблю всем сердцем, и не только их, но и других жителей нашей планеты! И глядя на сына, обсуждающего с Джонатаном какие еще документы нам нужно прислать, я отчетливо понимаю – я должна об этом написать...

Да о чем, собственно? О моей жизни? Кому это интересно... Что я могу рассказать людям такого, что поможет им избежать тех нелепых случайностей, которые все эти годы, злорадно ухмыляясь, бегут за мной вдогонку и хватают за подол платья – мы еще не до конца повеселились, стой! Но мысль о том, что, возможно, хоть кому-то помогут мои истории, держит крепко и не отпускает. Постепенно эта мысль упаковывается в аккуратный такой сверточек, на котором написано «Сын», а если его развернуть, то внутри можно найти «Руководство поль-

зователя». Для кого это руководство? Для таких отчаявшихся, опустивших руки, загнанных обстоятельствами мамаш, какой вначале была я. И я решаюсь.

Решаюсь написать эту книгу, балансируя на грани самоиронии и трагедии, серьезного и смешного, нелепого и случайного, пророчеств и несбывшихся надежд, ожиданий и потерь.

...Где-то вдалеке хрипло лают собаки, раздаются команды на каком-то странном языке, но я все понимаю. От нас требуют, чтобы мы встали в шеренгу – нужно куда-то идти... Но куда, зачем?! Я вижу, как из толпы людей выводят сына, я не слышу, что кричит конвоир, но почему-то понимаю – нас увозят. Господи, где мы?! Страх подкатывает к горлу и выплескивается наружу беззвучным стоном – я кричу, но не слышу ни звука. Только лай собак и гортанные крики странных людей, сбивающих нас в бесформенную и бессловесную толпу. Боже мой, куда его повели?! Ведь там, в снегах, в лесу он не выживет – лакированные туфли почему-то на босу ногу, легкая кожаная куртка... Откуда я знаю, что его увозят в лес? Меня тоже туда увезут, но я сильная. Я выдержу, а он... мальчик совсем, разве можно?!

«Что вы делаете?!» – кричу я, захлебываясь ужасом, но из разорванного криком рта – ни звука, они меня не слышат и уводят его все дальше и дальше. «Мы в плену, – говорит кто-то рядом, – оставьте свои иллюзии...»

«Нет, нет, передайте хотя бы носки», – я рвусь из чьих-то рук, меня кто-то держит, но я не вижу кто – вокруг внезапно становится пусто, и я слепо топчусь на месте, натываясь на странные прозрачные стены. Он там, за стеной, покорный, молчаливый. Не отдам! Я бросаюсь на скользкую стену, она будто из льда – и воткнувшись в нее всем телом, я вижу, что стена начинает таять от моего тепла и уже вот-вот, еще чуть-чуть, пока его совсем не увели... Да кто-нибудь, помогите же! Носки-то передайте!

– Ань, ты чего?! – Муж осторожно трогает меня за плечо. – Какие носки? Кому передать?!

Я вздрагиваю, открываю глаза и... понимаю, что это был всего лишь сон. И граница между сном и явью оказалась зыбкой. Какие-то непонятные люди, почему-то плен... Плен?

Мне нужно освободиться, как из плена, от иллюзии вселенской значимости для собственного сына? Там, во сне, это не удалось. И в жизни не удастся. Потому что...

Даже кричим мы вместе: еще не родившийся мой сын и я. Я это явственно слышу – его крик внутри себя. Ребенок вопит оттого, что страшно и больно, я – оттого, что страшно и больно ему. А когда просто страх и боль умножаются на страх и боль в квадрате, и я понимаю, что этого ужаса нам все-таки не вынести, ребенок вдруг, как пловец со стартовой тумбочки (так и представилось!), отталкивается ножками и... плывет в этот мир. Берет старт, словом. Одна, две, три минуты новой жизни – и они уже не сравнимы с той вечностью, до которой их растягивает адская предродовая мука, они словно бегут вперегонки, легкие такие, невесомые, и только в теле моем отдаются уже затихающей болью. Вот и кончилось все, слава Богу.

– Смотрите, мамаша. Мальчик!

Фиолетовая тряпочка, повисшая в руке акушерки и издающая слабое попискивание – я же явственно слышала его зычный голос внутри себя! – и это мой ребенок?! Это кусочек моей ткани, крови, сосудов, моей жизни! Это моя Вселенная, мое бессмертие, это... Мысли путаются, громоздятся, сталкиваются одна с другой, а я остаюсь свои положенные два часа в родовой и еще не понимаю, что эти часы – самые легкие и беззаботные из всей моей будущей жизни. Вокруг суетятся, измеряют мне давление, спрашивают телефон мужа, а мы с сыночком лежим, как в нирване, уже разделенные природой, но еще не разлученные людьми.

Когда я рожала старшего своего ребенка – дочь Машу, УЗИ в те времена не было, и кто родится, мы могли только гадать. Но знали точно – если это будет девочка, мы назовем ее в честь моей умершей мамы. Для сына имя даже не придумывали. Перебирали много, но ни одно мне не нравилось. Поэтому, когда Машка родилась, я ни капельки не удивилась, будто знала точно, что наше семейное имя снова к нам вернется. Когда же я поняла, что беременна во второй раз, у меня снова не было сомнений – я также абсолютно точно знала, что родится

сын. И моя интуиция меня не подвела – на УЗИ, которое к тому времени уже появилось, врач углядел мальчика...

Снова я увижу своего сына лишь через сутки. Замотанный по уши в серую, накрахмаленную до жестяного грохота минздравовскую пеленку, он спит – глазки прикрыты, дыхание струится тончайшим волокном, не сразу и почувствуешь. Махонький, меньше трех килограммов, он не проявляет ни малейшего желания перекусить. И уж, конечно, не понимает, что маме без его помощи очень-очень плохо! С первых дней уходит от ответственности... Чтобы спасти меня от мастита, врач догадалась принести двух отказничков – и весом и ростом побольше моего «заморыша». Вот так я их неделю и кормила – всех троих.

«Забрать бы...», – внезапно подумала однажды. Нет, первым об этом заговорил муж – в шутку, правда, несерьезно как-то. «Давай, – говорит, – возьмем их себе». Я недоверчиво покачала головой:

– Не отдадут... На таких славных – очередь.

Не решилась...

«Простите меня», – думаю я, наблюдая, как заворачивает медсестра мою крохотулю в милые, домашние пеленки, как виновато суетится муж, обнаруживший в последнюю минуту, что забыл дома мои туфли. Как сама я, глядя на себя, будто со стороны, шлепаю в кожаных тапочках сорок второго размера, сажусь в такси, беру на руки сына, а... Кто же будет ИХ кормить? Что, вот так все и закончится?

– Ты чего? – беспокоится муж. – Плачешь, что ли? Болит что-нибудь?

«Болит, – думаю я. – Душа».

Как я провожу эксперимент по «выращиванию» дочери, а сын впервые заявляет о своих желаниях

Душа – сплошная засохшая рана. Поскребешь ногтем – и всплывет на поверхность боль, точно мусор в весенней луже. И будет мучать меня еще долго, хотя со временем боль притупится и уйдет за краешек сознания, как уходит за тонкую струну горизонта палящее солнце, и земля погружается в спасительную прохладу ночи. Так и я – погружаюсь в повседневные хлопоты, они возвращают меня к действительности и не дают заняться самобичеванием и самоедством, когда я все-таки осознаю свою слабость и неспособность принять очень сложное, но излечивающее душу решение. Потом, много лет спустя, я расскажу об этом случае священнику, и он мудро и просто объяснит мне, почему именно тогда не случилось то, что случиться просто не могло. Потому что мне было предназначено другое испытание, только и всего.

Первые дня два мелькают мимо нас, как страницы отрывного календаря, мы словно завихрены в каком-то эйфорическом угаре – в ритм еще не вошли, что вокруг происходит – не до конца понимаем, и какие-то домашние повседневные хлопоты еще не потянулись своей однообразной унылой чередой, словом, пока у нас праздник. Мы все – муж, шестилетняя дочь, удачно приехавшая в командировку в наш город моя сестра, дружно игнорируя повседневную рутину, собираемся вокруг маленького кулечка и с умилением взираем на сморщенное крошечное личико мальчика, мирно посапывающего в своей кроватке. Все дела – по боку, дайте насмотреться на это чудо: еще девять месяцев назад это был невзрачный головастик с хвостиком, который... ну и дальше – по учебнику биологии, всем понятный процесс. А сейчас – настоящий мальчик-с-пальчик, серьезно наблюдающий за нашими восторженными телодвижениями и рукомаханиями, словно пришелец-инопланетянин, заброшенный в наш дом и снис-

ходительно принимающий восторги чудных землян: «Да ладно, я к вам надолго, не в гости, вы еще ко мне привыкнете!»

– Расти, сынок, скорее, – с умилением произносит муж, – на рыбалку с тобой пойдем...

Мне смешно – я честно пытаюсь представить своего малыша с удочкой в руках, но это получается плохо. Мне кажется, что день, когда он встанет на ножки и возьмет что-то в свои ручки, страшно далек, и вообще – наступит ли оно когда-нибудь, это время, если твоя жизнь спрессована в сплошной пеленко-кормежно-стирально-бессонно-плакательный процесс. И кажется, что это будет вечно...

Впрочем, рядом бежит «доказательство» быстротечности времени – моя шестилетняя дочь Маша, первый месяц после рождения которой показался мне бесконечным и даже довел меня до кощунственной мысли, промелькнувшей в воспаленном после операции на груди мозгу: «А зачем мне все это было нужно?»

Рожать я приехала из города в большой поселок к свекрови. Мама моя уже два года как умерла, я жутко боялась остаться без помощи – больше никаких родственников у меня не было. Да и роддом этот поселковый пользовался популярностью даже среди горожанок. Сюда ехали рожать «по благу», ибо в те годы роженицы могли лежать и в коридорах, ни одно дитя не выписывалось из роддома без стафилококка, а про сам процесс рассказывали ужастики почище сегодняшних триллеров – и младенцы на пол шлепались по недосмотру, и к женщинам часами не подходил никто, и они справлялись сами, по старинке, разве что пуповину не перегрызали, и хамства хватало, вроде «как в кровать к мужику прыгать – это ты знаешь, вот и нечего теперь орать, потерпеть могла бы», ну и еще масса интересных деталей, которые леденили душу.

Дочь родилась точно такой же крохой, меньше трех килограммов. Мне повезло – дежурила в ту ночь родственница мужа, опытная акушерка, все прошло более или менее благополучно. Понять, есть ли у меня молоко, я так и не смогла – вроде что-то течет, ребенок пососет-пососет, да и спит.

Привезли нас торжественно домой, решили, что пока муж доделает ремонт в нашей городской квартире, я поживу у свекрови. Все мои познания о кормлении и «выращивании» ребенка до года сводились к прочитанным в немалом количестве статьям из журналов «Работница» и «Здоровье». Да еще была такая старая книга «Детское питание», которую, судя по году выпуска, маме подарили после моего рождения, и которую я тоже пыталась изучать за неимением ничего другого. Помнится, там рассказывалось, что кормящая мать должна перед кормлением специально обработать грудь, надеть косынку и марлевую повязку (жаль, что не противогаз!), сесть на специальный стульчик, а под ноги поставить специальную скамеечку. Затем няня (!) подает ей ребенка, которого полагалось держать возле груди двадцать минут и ни секундой больше. Кормить малыша нужно было строго через каждые три часа, а ночью делать шестичасовой перерыв и если ребенок проснется, поить его водичкой...

Всех несчастий, которые меня накрыли в первые же недели после рождения дочери, можно было избежать, если бы я меньше выполняла рекомендации наших доблестных педиатров. До сих пор с содроганием вспоминаю эту картину из фильма ужасов «Мой первый ребенок и эксперимент по его выращиванию».

Глубокая ночь. Малышка завозилась, сейчас проснется, и я понимаю, что до утра мы уже не уснем. Вставай, говорила голова. Отстань, отвечали руки. Отвали, бурчали ноги. Сквозь приоткрытое окно сочилась знойная мякоть августовской ночи, придавливая своей тяжестью к влажной подушке, и не было сил шелохнуться, а кто-то ласковый словно нашептывал: «Не вставай... не вставай... Сейчас попищит, да и уснет». Прошло еще несколько минут, которые я судорожно пыталась урвать у ночного сна, но крик дочери словно ударил током, и я вздрогнула, как от прикосновения к оголенному проводу. В полубессознательном состоянии выползла из-под одеяла, нашарила выключатель торшера... Господи, неужели так будет еще несколько месяцев?! Как это можно выдержать?!

В комнату вошла разбуженная свекровь.

– Ну-ну... матерью нужно быть, милочка, матерью!

Произнеся эту странную фразу, она величественно удалилась. Я смотрела в ее равнодушную, выражающую полное презрение моим материнским способностям спину, и где-то глубоко в груди закипали слезы, накапливаясь и прорываясь в беззвучную истерику. Я глотала рвущийся куском изнутри стон, чтобы не разбудить еще и мужа – рано утром он уезжал на электричке на работу. Так и не знаю, почему женщина, вырастившая двух детей, не подсказала мне, что малышку нужно просто кормить – и ночью тоже.

Крошечная дочка просто заходилась в крике, а я, обливаясь слезами, сидела рядом с переполненной молоком грудью наперевес, и пыталась влить в ее ротик воду с ложки. Но ведь так положено! А тут поджидала и еще одна беда – обошлись мы без стафилококка, а вот молочницу, обметавшую ротик дочки противным творожистым налетом, все-таки подцепили. От нее инфекция проникла ко мне, я заработала жестокое воспаление, проще говоря – мастит. Поднялась температура под сорок, кормить малышку вообще не могла... Вердикт вызванного наконец-то врача был однозначный:

– Резать! И немедленно!

На чем везли в больницу – не помню. Зато хорошо запомнила, как после операции шла пешком через весь поселок с располованной грудью и тихо скулила... Вошла и на веранде увидела... тазик с замоченными пеленками. Посидела пяти минут и... Стирать. Руками.

Дочку я грудью почти не кормила. Процесс нарушился да так толком и не восстановился, помучалась месяцев пять и накупила в магазине «Малютки». Вот и весь ассортимент был тогдашний...

Прошло каких-то шесть лет после рождения дочери, но рекомендации поменялись кардинально. Правда, помня, что книга, как ни крути, все равно – лучший источник знаний, почитала уже кое-какую литературу, перевернувшую представление о «правильном» кормлении на сто восемьдесят градусов. И первый визит нашего участкового врача только подтверждает мои догадки.

– Крохотный какой. – Врач осторожно разворачивает пеленки. – Молоко у вас есть?

– Да вроде есть, – вспоминаю я свою «роддомовскую» эпопею.

– Кормите, когда захочет. У него очень маленький вес, ему нужно по килограмму в месяц набирать.

– И даже через полчаса после предыдущей кормежки? – Я не верю своим ушам.

– Ну да, конечно, – спокойно отвечает педиатр. – Хотя, если у вас есть молоко, таких маленьких перерывов не будет.

Ободренная профессиональной поддержкой, я включаюсь в повседневный ритм, надеясь – ну вот сейчас-то мы заживем без всяких проблем. Но не тут-то было! Сынуля, моментально раскусивший, какой фарт выпал на его долю, через несколько дней после такого режима просто отказывается покидать свое законное место возле моей груди. Стоит мне положить уже, казалось бы, сытого и заснувшего малыша, жевавшего сосок часа полтора вместо положенных советской педиатрией двадцати минут, в кроватку и потихонечку отправиться по своим делам, коих в доме скапливалось вагон и маленькая тележка, как вдогонку мне раздается требовательный плач, означавший в моем понимании только одно – ребенок голоден и требует пищи.

Но как же так? Ведь только что я его покормила! Вновь возвращаясь к сыну, беру его на руки, прикладываю к груди, он снова мирно засыпает, но только осторожно кладу его снова в кроватку и делаю пару робких шагов по направлению к кухне, как вновь окрестности оглашает требовательный вопль. Через пару дней такого эксперимента я напоминаю тихую тень из сказки про Марию-искусницу, которая только и может, что произнести: «Что воля, что неволя – все равно». Нужно как-то положить этому конец. Но как?!

Это получилось случайно. Доведенная до полного изнеможения после нескольких бессонных ночей я, движимая каким-то древним инстинктом, кладу разбушевавшегося малыша рядом с собой, кормлю его лежа и, осторожно убрав грудь, оставляю возле себя. Просто засыпаю с ним рядом. Мы спим пять часов подряд! Обеспокоенный муж уже несколько раз заглядывает в комнату, чтобы понять – дышим ли мы вообще. Я этого не слышу, но все-таки просыпаюсь, а сын спит еще полчаса. Вот так был найден выход. Сын спал с нами в одной кровати до пяти лет. На этот счет есть разные мнения. И каждый волен принимать собственное решение.

Но я снова возрождаюсь к жизни. И не только потому, что могу теперь нормально высыпаться. Хотя и это тоже немаловажно для кормящей женщины, для матери семейства, на которую ложится, помимо ухода за новорожденным, весь быт в доме. Муж каждый день отправляется за «мамонтом», дочка еще мала (хотя она быстро включилась в процесс и несмотря на возраст, очень мне помогала, практически вынянчила брата), нет рядом ни былинных бабушек-дедушек, ни сказочных стиральных машин-автоматов, ни волшебных памперсов и фантастических мультиварок, да чего там, продуктов обычных было не достать... Но мы должны были справляться.

Первые дни после роддома. Они как у всех – бессонные ночи с серыми рассветами, когда хочется спать так, что на секунды теряешь сознание, пеленки, мокнувшие в тазике с хозяйственным мылом, зеленка, пролитая на ковер, стертые от стирки пальцы и сгрызенные соски, оглушающая, отупляющая усталость... Но и это проходит. Мы следим за каждым новым движением малыша, за каждым его великим достижением – вот он впервые улыбнулся, вот схватил мой палец, отреагировал на погремушку... Это его малышовые подвиги. Мои подвиги скромнее. Я ношусь между стирками, плитой, гуляньем, уборкой как оглашенная, закрученная в водовороте новой жизни и подчиненная ее правилам, и правилам нового владельца нашей судьбы, нашего верховного главнокомандующего, короткие приказы которого мы выполняем немедленно и беспрекословно. Но там, за теплыми надежными стенами нашего дома, уже притаилась конница неприятеля и она ждет только отмашки командира, чтобы выступить в свой разрушительный поход.

Как на нас напала гидра, а мы одержали над ней победу

Поход в поликлинику был обязателен, когда малышу исполнялся месяц. И так в течение года. Я мамаша ответственная, от правил не отступаю – надо так надо.

Мы на приеме у педиатра. Взвешивание, измерение, ручки, ножки, сгибаем-разгибаем...

– К невропатологу! – сурово бросает врач, что-то нервно черкая в карточке.

– Что, какие-то проблемы? – вскидываюсь я.

– Что ж вы, мамыши, все такие дерганые! Это плановый осмотр! – Врач захлопывает карту и протягивает ее мне. – Да, и к хирургу зайдите, пусть он тоже запись сделает.

А... ну раз так положено. Плетемся, уже усталые и голодные, к кабинету невропатолога. Сегодня грудничковый день, так что мечтать, что кто-то уступит очередь, не стоит. Тут нас, измученных марш-бросками по кабинетам специалистов с младенцами на руках – человек десять. Стоим. Ждем. Сын уже проявляет явное нетерпение и вот-вот попросит ускорить процесс. Мне придется его просьбу проигнорировать – скорость продвижения очереди у кабинета от меня не зависит. Но, боюсь, ребенку я объяснить это не смогу и заранее настраиваюсь на долгий и, вполне вероятно, безуспешный проход по длинным коридорам поликлиники под вечную песню без слов всех времен и народов: «А-а-а! А-а-а!»

Но, к моему удивлению, сынок, пару раз выразив свое недоумение, замолкает и начинает вполне осмысленно разглядывать сетку трещин на давно небеленом потолке, проявляя неподдельный интерес к архитектурным особенностям районной поликлиники. Я замираю и стараюсь не дышать, чтобы лишним движением не испортить процесс познания мира моим ребенком.

Наконец, мы у заветной цели. Усталая докторша сначала задает стандартные вопросы, затем еще раз перелистав роддомовскую выписку, уточняет:

– Роды стремительные?

– Ну... да. Наверное... За два часа...

– Н-да... – Невропатолог почему-то не радуется. Достает обычную портновскую сантиметровую ленту и измеряет окружность головы у моего малыша. Сверяется с записью в выписке и произносит слова, от которых у меня темнеет в глазах:

– Резкое увеличение окружности головы за месяц... Скорее всего, это гидроцефалия...

Страшное, непонятное слово накидывается на мой мозг и ввинчивается в него, как муляжный червяк в муляжное яблоко. Я тут же представляю себе многоголовую гидру, шипящую и изрыгающую пламя на моего ребенка, словом, ведущую себя в полном соответствии со своей звуковой транскрипцией: ГИДР-Р-Р-РОЦЕ-Е-ЕФ-Ф-ФА-ЛИЯ-ААА...

– А это... что?... – Я судорожно прижимаю к себе сына, будто пытаюсь спрятать его от этой... гидро... гидры...

– Да не пугайтесь вы так, – докторша неожиданно смягчается. Похоже, видок у меня еще тот! – Понаблюдаем месяц, возможно, все компенсируется. Стремительные роды, родовая травма наверняка... Через месяц ко мне на прием. Обязательно!

Вот и вся диагностика – с помощью сантиметровой ленты... И чего привязалась, какую-то гидру моему малышу определила!

Дома в первую очередь, едва распеленав сына и оставив его на диване, бросаюсь к медицинской энциклопедии. Так, гидроцефа... Господи!

« **Гидроцефалия** – увеличение объема цереброспинальной (спинномозговой) жидкости в полости черепа. Нарушение рассасывания и циркуляции спинномозговой жидкости или избыточная ее секреция. Причиной обычно являются спаячный процесс вследствие перенесенной

нейроинфекции или травмы головы, а также опухоли мозга, врожденные аномалии мозга и его оболочек.

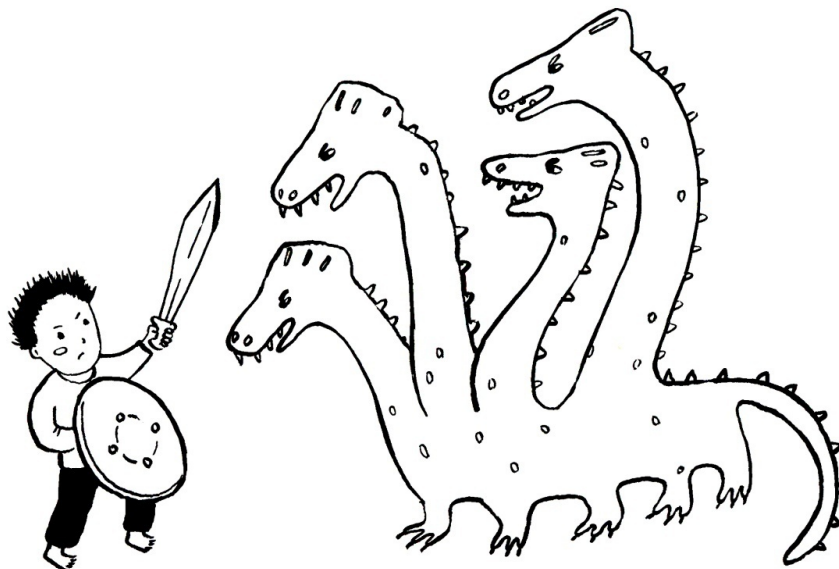
При гидроцефалии новорожденных наиболее характерны увеличение головы, подчеркнутость венозной сети покровов черепа и опускание глаз (симптом заходящего солнца); объем головы, постепенно увеличиваясь, может достигать гигантских размеров (окружность черепа до 60 см и более)...»

До конца это я дочитать не успеваю, сзади за спиной слышу вопль, который выводит меня из ступора. Я оборачиваюсь и вижу сына, лежащего на полу и вопящего что есть силы. Как месячный ребенок мог свалиться с дивана?! Эта мысль освежает меня не хуже ледяного душа, я бросаюсь к нему, ощупываю ручки, ножки – целы?! И понимаю, что никакой гидра... гидро... целии мы не по зубам. Просто так мы не сдадимся! Одной рукой я держу успокоившегося сына, другой лихорадочно листаю толстенный том – так, какое лечение?

«Для снижения внутричерепного давления назначают диуретики, глюкокортикоидные гормоны, глицерин. Хирургическое лечение гидроцефалии новорожденных состоит в создании дополнительных путей оттока спинномозговой жидкости из полости черепа...» Ага, сначала – терапевтическое. Но если не поможет...

– Да вылечимся мы, сынок, не плачь! – Он и не плачет, таращит на меня свои глазенки и уверен, что мама взяла его на руки не просто так – сейчас покормит. «Вот молодец, догадалась, что ребенок есть хочет... Ох, и проголодался я! Только... Что это на меня сверху капает?»

Я даже не замечаю, что по щекам текут слезы. И еще не знаю, что эти слезы – лишь тоненький ручеек, впадающий в реку плача, которая прольется из моих глаз за те долгие годы, которые нам предстоит растить нашего малыша.

Через месяц, обмеряв голову сына и посветив в темной комнате на родничок какой-то лампочкой, врач подтверждает первоначальный диагноз. И на полгода сажает нас на диуретики. Другого лечения этого заболевания и сейчас не существует. Или... Хирургическое вмешательство. В народе говорят – «вставляют трубку». Если даже отбросить медицинские тер-

мины, все равно эта процедура выглядит жутко – в желудочки мозга вживляют катетер и с помощью системы трубок «ликвор выводят в естественные полости человеческого организма». Короче, спинномозговая жидкость по этим трубкам будет вроде как нормально циркулировать. Называется эта манипуляция ликворное шунтирование. Так мы привыкаем жить под дамокловым мечом этого самого шунтирования...

День наш начинается с того, что нужно дать сыну, совсем еще крошечному, таблетку диуретика, а кормить только через полчаса после этого. Объяснить малышу, почему мама сначала впихивает в его рот что-то горькое, а потом, вместо того, чтобы дать поесть проголодавшемуся дитенку, носит его по дому и что-то такое говорит, говорит, я, понятное дело, не могу... Однако сын вначале внимательно меня слушает, но минут через десять начинает проявлять явное беспокойство (так, нужно продержаться еще минут двадцать!), в ход идут все игрушки, которые оказываются под рукой, нет, уже и это не помогает и последние минуты ребенок закатывается в обиженном плаче, так и не поняв моего коварства и, похоже, его не простив. Еще минут на пять спасает пианино. Пристраиваюсь на краешек стула с Тимом на руках и наигрываю все, что помню и что приходит в голову, иногда просто какие-то бессвязные звуки. И так – три раза в день. Полгода.

Через какое-то время я замечаю, что щеки и лоб сына покрывают какие-то красные пятна. Сначала они бледно-розовые, затем становятся ярче и угрожающе расползаются по его телу.

– У него диатез, – авторитетно заявляет подруга, пришедшая меня навестить.

– И что теперь с этим делать? – недоумеваю я, потому что сталкиваюсь с такой штукой впервые.

– Ну... кажется, нужно мазать специальной болтушкой, ее врач выписывает. Или в аптеке спроси.

Представив во всех подробностях, что нам придется из-за какой-то болтушки еще раз выстаивать огромную очередь к врачу, я выпрашиваю в ближайшей аптеке «что-нибудь от диатеза», мне выдают бурую жидкость в бутылочке, и я выливаю почти половину на ребенка. Дальше была цинковая мазь, еще какие-то лекарства – становилось только хуже. Сын все-время плакал и норовил разодрать свои щеки и лоб. К врачу нам идти все же пришлось. Она долго разглядывала ссадины, слушала, пока я перечисляла длинный перечень испытанных на ребенке лекарств и вдруг сказала:

– Есть один способ... Правда, он довольно долгий. Но поможет точно – проверено!

И вот следующие полгода я с тщательностью, достойной звания «Миссис Скрупулезность», толкла в мелкую пудру яичную скорлупу, отмеряла порошка на кончике ножа, капала туда несколько капель лимонного сока и всовывала эту смесь в рот сына. Когда начала давать каши, стало легче, можно было засунуть это в кашу и размешать. Делала и не верила – разве это сможет нам помочь?! Самое интересное, что помогло! Правда, возиться пришлось долго, но месяцам к десяти краснота прошла, личико сына очистилось, и мы решили, что победа за нами.

Да и невропатолог через полгода с явным облегчением констатировала, что мы отделались легким испугом, обошлось без трубки. На память о болезни, как мне тогда казалось, осталась всего лишь довольно крупная голова. Но тогда мы просто даже не догадывались, что ждет нас впереди...

Я еще не знаю, что «легкий испуг» обернется для нас тяжелыми последствиями, что такие нарушения, увы, бесследно не проходят. Мой малыш вырастет хорошеньким мальчиком с льняными кудрями и голубыми глазами. Но до двух лет он не скажет ни слова. Заговорит уже ближе к трем годам. Незнакомцы будут принимать его за девочку, но он гордо будет отвечать: «Я масик!» Я еще не знаю, что «масик» окажется с букетом таких болячек, что впору было бы отправить нас на какой-нибудь научный симпозиум, где бы важный профессор, подойдя

к моему ребенку, указкой показывал на его тельце и, постепенно снижаясь с головы до пят, называл все болезни, которыми «наградила» этого дитенка судьба.

Я еще не знаю, что поликлиника станет нашим родным домом, а педиатр и дерматолог – практически членами нашей семьи. Я не знаю, что выучу наизусть справочник по детским болезням, буду оперировать названиями заболеваний, симптомами и способами лечения, как профессионал, и кто-то из врачей даже задаст мне вопрос:

– У вас медицинское образование?

Да. К тому времени, как моему сыну была выставлена куча диагнозов, я начала понимать, что сама должна вникнуть в суть проблемы и читала все по теме, что только подворачивалось под руку. Подворачивалось немного, в начале девяностых было как-то не до издания книг. И все равно, буквально по крохам, я собирала все сведения, которые могли бы мне пригодиться в борьбе за здоровье моего ребенка. А порой – и за его жизнь...

Вспоминая, я словно расчищаю завалы памяти, вытаскивая из ее закоулков измятые фантики застывшего времени, перебирая старые снимки, сделанные еще на черно-белую пленку, которую сегодня снова полюбили профессионалы. Тогда был такой ненавязчивый сервис – идешь по улице, раз! – тебя щелкает фотограф, а потом присылает по почте карточку...

Как меня спас крест, а потом мне стало тяжело его нести

Карточку сына, которую мне выдали в поликлинике, раздутую до гигантских размеров и не поместившуюся в сумку, я держу в одной руке, в другой – детская ладонь.

Я иду по улице и реву. Не стесняюсь прохожих, плачу взахлеб, не вытирая слезы. Вцепившись испуганно в мою руку, молча, загребая пыль ногами, плетется он. Мой сын. Прохожие оглядываются, кто-то что-то даже спрашивает, но я почему-то вижу только их словно раздвоенные лица и ничего не слышу. Мне хочется просто исчезнуть, совсем. И ничего больше не будет – ни равнодушной врачихи, заполняющей с обреченным видом нашу медкарту, ни бессонных ночей, ни Монблана из лекарств, ни сочувствующих подруг – ну как ты? – ни обжигающей душу усталости, ни... И его не будет? Он идет рядом, соломенные кудряшки подрагивают каждый раз, когда я дергаю его за руку – быстрее можешь?! – и молчит. Нет, он-то останется... Но уже без меня. Без меня?! И кому он будет нужен?! Так. Стоп!

Я останавливаюсь прямо посреди тротуара. Он притормаживает и робко поднимает на меня глаза: «Мама... Не плачь...» Я молчу... «Господи, за что мне такой крест?!»

– Мама... Не плачь...

Я, словно очнувшись от какого-то вязкого бессмысленного сна, оглядываюсь. Вокруг продолжается городская обыденная суета – все по-прежнему куда-то спешат, обтекая нас с сыном по краям тротуара, и я понимаю – вот она, жизнь! И надо ее жить дальше. Прямо сейчас взять – и продолжать жить, а не тащить уныло этот свой крест... Я поднимаю глаза и вижу его. Крест. Мы стоим возле большого собора. В голове словно что-то щелкает и... Я снова хватаю сына за руку, и мы бежим во двор храма, где за воротами мелькает темная ряса священника.

– Батюшка... – Я задыхаюсь от бега и волнения. – Батюшка! Я хочу мальчика окрестить! Когда нам можно прийти?

Он оглядывается – молодой, темноволосый – громко и весело отвечает:

– Да сейчас и можно! Как раз крестить собираюсь!

– Но... У меня крестика нет... И полотенце... А крестные?!

– Все, все, заходите! – Он нетерпеливо подталкивает нас внутрь. – Сейчас все будет!

Мы заходим внутрь. Это небольшой крестильный храм во дворе собора, где уже стоят и ждут батюшку те, кто собрался сегодня креститься: молодая пара с грудничком на руках, женщина с девочкой, подросток и девушка в платочке.

– Крестик в лавочке купите, свечку, простое полотенце. – Батюшка быстро проходит к амвону.

– Да, да, сейчас! – Я лихорадочно роюсь в кошельке, вроде должно хватить. Еще и на пожертвование останется. – Но мы без крестных!

– Назовите имя, хотя бы крестной матери. – Батюшка поворачивается к нам и начинает читать молитву...

Мой сын стоит со свечой в руке, очень серьезный и будто сразу повзрослевший. Я смотрю на него и вижу... Летний июльский день, прозрачный и настоящий на всех невообразимых запахах шумного, цветастого и горластого, украинского села. Мне семь лет...

– Бабо Ганю, а бабо Ганю! – Соседка явно настроена воинственно.

Бабушка медленно разогнулась, вытерла о передник мокрые руки – замешивала «ижу» поросенку.

– Чого тобі, Роза?

– Та опять твои куры в моем гор`оде, щоб вони показались!

– Хай им грець! – Бабушка шустро схватила палку и устроила короткую, но грозную сечу, в результате которой куры, шумно хлопая бесполезными крыльями, благополучно возвратились на свою территорию. На крыльцо вышел муж тети Розы – дед Шика. Он делал смешные свистульки – дунешь в нее, а она разворачивается таким длинным резиновым язычком. У меня таких свистулек – целая коллекция. Но дед протянул мне еще одну и насыпал в подол платья миску спелой шпорышки – белой смородины.

В хате на печке грелась большая кастрюля с водой. Бабушка будет меня купать и еще – самое ужасное! – мыть голову. Завтра к нам придет поп (я не знаю, кто это, но уже заранее его боюсь!) и меня «похрестят».

С утра меня нарядили в новое платье, на вымытую-таки голову (битва с бабушкой была не хуже Берестейского сражения Богдана Хмельницкого, про которое мне читал дед Шика, но бабуля победила – недаром потомственная шляхтичка!) повязали ненавистный бант и усадили на лавку в хате. Глухонемая тетка Маруся, еще одна бабушкина, кроме моей мамы, дочь, села рядом, а бабушка, волнуясь, поминутно выглядывала в окно. Только моя старшая сестра, которой было уже семнадцать, презрительно хмыкнув, взяла книжку и демонстративно ушла в сад. Она понимала – бабушка наперекор моим родителям (а отец – офицер, коммунист!) все-таки решила тайно меня крестить, поэтому и не в церкви, а пригласили батюшку домой. Что со мной будут делать, я не знала, но храбрилась и изо всех детских силенок старалась не заплакать – уже большая и осенью должна пойти в школу. А пока родители отправили нас с сестрой на

лето к бабушке – отдохнуть и отъестся на деревенских харчах. В военных таежных городках, где мы жили, ни настоящего молока, ни фруктов, понятное дело, тогда не было.

Но вот наконец открылась дверь и в комнату вошел кто-то лохматый, в длинном черном платье. И заговорил величавым басом:

– Мир этому дому! Господи, благослови!

Бабушка с тетей бросились к этому огромному дядьке и почему-то стали целовать ему руку. Я похолодела – и меня сейчас заставят! Вот почему наряжали – чтобы большому дядьке руку целовать, а иначе он меня бросит в свой огромный чемодан и утащит в какую-то «церкву», про которую все время говорит бабушка! Я оцепенела от этой мысли и попыталась вжаться поглубже в угол в надежде, что про меня забудут и не заметят. Но не тут-то было! Большой дядька неожиданно ткнул в меня толстым пальцем, громко расхохотался, открыл свой чемодан и стал доставать оттуда какие-то странные вещи: золотую длинную скатерть с дыркой, которую надел себе на шею, такие же золотые короткие рукава и еще какие-то предметы, о назначении которых я даже не догадывалась. Я, зажмурив от ужаса глаза, уже было совсем собралась забыть свою гордость и зареветь во весь голос, как вдруг что-то теплое и пахучее легло мне на голову.

– Бантик-то у тебя какой красивый! – Услышала я неожиданно и приоткрыла один глаз. Прямо передо мной были чьи-то смоляные зрачки, а вокруг них – рыжие солнышки, из них словно лучилась доброта и собиралась в морщинки у висков. Этот человек с глазами-лучиками еще раз погладил меня по голове и стал что-то красиво нараспев говорить – долго и успокаивающе... Так меня крестили.

– На причастие в храм приведете! – уходя, пробасил чудной дядька, и бабушка мелко-мелко закрестилась. Я выбежала в сад – меня распирало какое-то незнакомое чувство, да и просто хотелось поделиться с сестрой всем произошедшим и показать ей, какой красивый у меня теперь есть крестик! Подбежав к ней, я вынула его из-под ворота платья и закричала:

– Смотри, смотри, что у меня есть!

Сестра нехотя оторвала взгляд от книги, мельком глянула на мое чудо, которое я протягивала ей в ладони, и процедила:

– Спрячь, дура! И больше никому не показывай...

Я, будто налетев на корягу, споткнулась, сделала шаг назад, чтобы не упасть, меня сзади подхватили чьи-то руки, я уткнулась головой в родной бабушкин передник и все-таки заревела – впервые за весь день...

– Да? Что? – Я понимаю, что батюшка у меня что-то спрашивает, лишь когда он дотрагивается до моей руки.

– Имя крестной матери вашего сына назовите, – терпеливо повторяет тот.

– А... Лидия! – Я мысленно прошу у своей лучшей подруги разрешения стать моей приемницей в духовной жизни сына и заодно прощения, что не предупредила об этом. Уверена была – не откажется.

Сын неумело крестится, но кланяется очень важно, бережно держа свечу в маленьком кулачке. А я все смотрю и смотрю на ее блеклое нежное пламя...

В воскресенье в нашем большом старинном селе (местечке – с гордостью говорили старожилы, что означает маленький городок) с раннего утра (да что с утра – с ночи почти!) шумел гениальный в своей неповторимости, словно сложенный из мелких цветных стекляшек, как детский калейдоскоп, украинский базар.

Жили мы в самом центре села на холме. Бабушкин огород спускался к реке, а на другом ее берегу раскинулась большая рыночная площадь, которую было видно от нашего дома. Речка с чудным названием Роставица, широкая возле столетней мельницы, делая какую-то сумасшедшую петлю и опоясывая местечко серебристым прохладным пояском, в этом месте становилась не шире ручья. Через ручей протянулся солидный каменный мост, по которому в ночь перед базаром начинали грохотать телеги, и было так сладко засыпать под их неумолчный

грохот. Бабушка всю ночь в большой печи жарила рыбу и пекла коржики и булочки, которые продавала приехавшим издалека проголодавшимся селянам. На рассвете, чуть только начала робко-робко потягиваться и выпрастываться из облачной перинки заря, бабушка собирала свою «ижу» в узелок и шла на базар. Я спала долго, а проснувшись и кое-как поплескав на лицо прохладной водой, замкнув хату на щеколду, бежала туда, в эту сказочную страну, где продавали прозрачных искристых петушков на палочке, где хрюкали нежно-сиреневые поросята, и забившись на дно уклунка, поглядывала на тебя круглым сердитым глазом крапчатая цесарка, храпели лиловые кони, встряхивая угольной гривой, где пахло чабрецом и мятой, а их запах смешивался с ароматом укропа и малосольных огурцов, которых теснили с прилавка толстенные, лопающиеся от сока помидоры, где в бутылках плескались мутный первак и рубиновая вишневка, щедро разливаемые «на пробу», где прилавки были уставлены черевиками, застелены яркими нереальной красоты хустками и спидницами, где в центре базара сидел слепой дядько Сашко, играл на гармошке и пел про танкиста.

Накануне моя сестра уехала в Киев. Ей было скучно в селе – двоюродные сестры учились в техникуме и каникулы у них еще не начались, на танцы одной ходить не разрешали – городская, еще обидит кто! – вот и уговорила она бабушку отпустить ее с соседкой тетей Розой в Киев, встретить их племянницу Ларису с московского поезда. А там и девчонки на каникулы приедут, будет повеселее. Из развлечений в те годы в селе нашем был только клуб да чайная на горке возле сельмага.

В тот день все было как всегда – бабушка с ночи затопила печь, замесила тесто, почистила рыбу, а я, вдоволь наплескавшись в ручье за огородом с местными девчонками, быстро уснула. Сквозь сон уже слышала грохот телег по вымощенной камнем дороге. Значит, завтра!

Проснувшись я резко, будто кто толкнул. Вовсю светило солнце, бабушкины любимые мальвы заглядывали в окно и словно укоризненно качали своими малиновыми головками: «Проспала, соня!» Нет-нет, я еще успею, успею! Платье потом натяну! С ходу я распахнула плотно закрытые двери моей спальни в «залу». И в ужасе отшатнулась. Комнаты не было. Той комнаты, бабушкиной «залы», знакомой и любимой до самого дальнего уголка – не было. Не было стола с лавками, не было большого бабушкиного сундука, не было божницы в уголке – ничего! Был только один серый, противный, горький и мохнатый, как чудовище, дым. Я в ужасе захлопнула дверь и закричала. Потом заметалась по маленькой комнатке с крошечным, никогда не открывавшимся оконцем – что, что мне делать? Никто меня не услышит – оконце выходило в сад, соседей рядом не было, да если бы и были – сегодня все на базаре!

Я снова подошла к двери, приоткрыла ее и, внезапно решившись, вдруг вспомнив слова чудного дядьки, надевшего на меня крестик, прошептала: «Господи, благослови!», почему-то зажала крест в кулаке и... нырнула в этот дым.

Я пробиралась сквозь плотный чад, сжав рот и практически не дыша. В кухне из печки уже протягивал свои длинные ручки огонь и норовил схватить меня за волосы. Я, стараясь на него не смотреть, ползком, на ощупь пробралась к двери, изо всех сил толкнула ее – она распахнулась, и я буквально вывалилась в сени. Дверь в горящую кухню тут же из последних сил прижала на место. Лежала на прохладном земляном полу, задыхаясь и кашляя, и мне казалось, что густой горький дым я выкашливаю изнутри. Отлежавшись и откашлявшись, я поднялась и толкнула входную дверь. Дверь не поддавалась. Я толкнула ее сильнее, потом, плача и размазывая копоть по щекам, стала биться в нее изо-всех сил, пока наконец не поняла – дверь заперта снаружи. Бабушка в этот раз почему-то меня закрыла... Я сползла на пол и приготовилась умереть.

Не знаю, сколько я так просидела, похоже, все-таки не очень долго, как вдруг дверь подавалась и распахнулась, а я вывалилась прямо на улицу. Надо мной склонился мой старший брат, сын тетки Маруси. Как потом оказалось, шел какой-то родственник мимо нашего дома и увидел плотный черный дым из форточки. Бросился к бабушке на базар. Та дала ключи брату,

который там ей помогал, и, обмирая от ужаса, семенила следом за ним, пока он несея со спасительными ключами к дому. Что было дальше, я помню смутно – только осталось в памяти, что в меня вливают какую-то теплую жидкость, много, она уже в меня не помещается, а ее все льют, и только сотрясающая мое тело рвота останавливает этот жуткий процесс...

Дым из хаты еле выветрился, а пол у печки прогорел насквозь – бабушка, уходя на базар, слишком рано закрыла заслонку. Но через пару дней только черные балки в комнатах напоминали о случившемся. Приехавшая мама долго плакала, и ругаясь то по-польски, то по-русски, с каким-то ожесточением все замазывала и замазывала белилами эти жуткие потолки... А бабушка виновато крестилась на икону в углу и шептала: «Хрест вберіг...»

Батюшка просит всех повернуться лицом на запад и произнести отречение от дьявола. Потом начинает читать какую-то красивую молитву. Позже я узнала, что называется она Символ веры. Затем малыша и моего сына он окунает в купель, а большим кропит водой голову и надевает на всех крестики. И наконец все крещеные идут вокруг купели крестным ходом со свечками в руках.

На последнем круге свеча в руке моего сына вздрагивает и гаснет... Я непроизвольно вскрикиваю. Батюшка строго оглядывается – тихо! И ведет мальчиков в алтарь. Все, на этом церемония крещения заканчивается.

– Батюшка! – Бросаюсь я к священнику. – Почему у моего сына погасла свечка?! Что это означает?

– Означает что? – переспрашивает он спокойно, снимая с себя ту самую красивую «скатерть» с дыркой – епитрахиль. – Да вот то и означает – в церковь нужно ходить, голубушка, тогда и вопросов таких, простите, дурацких задавать не будете. Да заодно и креститься научитесь... правильно.

Я смущенно замолкаю. И правда, ерунда какая-то, вообразила себе невесть что. Дунуло из окна. Вот свеча и погасла. Оглядываюсь в поисках ребенка.

– Сынок! Что ты там делаешь?

Сын как зачарованный стоит перед иконой Божьей Матери и будто не слышит, что я зову его. Потом он нехотя оборачивается.

– Мама, а можно я останусь здесь жить?

И мы остаемся там жить. С этого дня мы стали жить в этом доме, нас приняли в этот дом, который открыт для всех. Только войти туда почему-то хочет не каждый. Да и мы пока – только у двери.

Как к нам начинают стучаться проблемы, а мы от них беспечно отмахиваемся

У двери в квартиру я останавливаюсь. Прислоняюсь к ней и пытаюсь «надеть» нормальное веселое лицо, чтобы не испугать сына. Прошло уже несколько часов после аварии, но я еще не пришла в себя, и даже одно воспоминание о ней заставляет сердце бешено колотиться и темнеет в глазах.

Сейчас, сейчас... Спокойствие, только спокойствие... потихоньку открываю дверь ключом и слышу в комнате какие-то голоса. Говорят... похоже, по-английски?! Кто? Радио, что ли работает? Я уже совсем было собираюсь выдать свое присутствие, как узнаю голос сына.

– Дорогие радиослушатели! Начинаем нашу передачу! С любой песни, которую вы пожелаете! – он говорит громко и торжественно, немилосердно картавя и шепелявя. Но так, будто и правда перед ним – тысячи слушателей. Я замираю.

– Слушайте Пятую симфонию Бетховена!

Но раздаются почему-то первые аккорды бетховенской «Оды к радости», и я понимаю, что сын играет ее на слух. И не просто играет, но и поет. Только на каком языке?! Я понимаю, что это какая-то тарабарщина, но если не вслушиваться, кажется, что он поет по-английски. Полная имитация! Через несколько тактов он сообщает:

– Итак, вы послушали классную песню! Пятая симфония Бетховена, да еще и со словами! Слова мои... Теперь будет другая песня, называется «Египетская».

Дальше идет импровизация в восточном стиле, если это можно сказать о композиции, сочиненной ребенком, год назад только начавшим обучение музыке. Я стою в коридоре, боясь шелохнуться. Сын имитирует английскую речь, разговаривая сам с собой то грубым, то тоненьким голосом – будто общаются разные люди. Словно кто-то кому-то задает вопрос в прямом эфире, как на настоящем радио. Но такие передачи только недавно появились!

Наконец он сообщает:

– А сейчас будет торжественная песня – божественная!

Господи, все в одной куче!

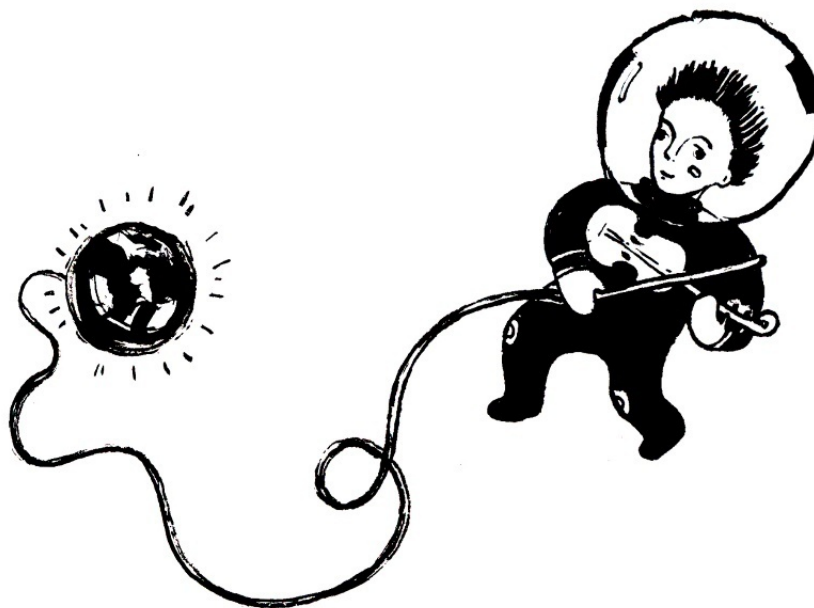
Начинается практически идентичная имитация церковной службы – с песнопениями тоненьким голоском, которые басом подхватывает «дьякон». Он по-прежнему так увлечен своей игрой, что замечает меня только тогда, когда я на последних его словах: «Дорогие друзья, мы заканчиваем нашу передачу!» осторожно просовываю голову в комнату...

Я отвозила дочь в небольшой районный центр, в детский санаторий. Несколько лет назад у нее обнаружили проблемы с позвоночником, нужно было принимать экстренные меры, которые бы могли остановить необратимые изменения. Дочь жила там месяцами, училась. На ледяной дороге нашу машину занесло, отбросило сначала на встречку, а когда водитель невероятным усилием выкрутил руль, машину кинуло в кювет на противоположной стороне, где она застряла в сугробе... Потом, отойдя от шока, он скажет: «Будто гигантская рука сверху схватила и стала крутить... Ничего сделать не мог!» Меня же трясло всю дорогу до санатория и обратно.

Хорошо, что Тима с собой не взяла. Весь год до школы он находился дома один, после того как мы ушли из детского сада. Садик был от завода, завод этот в начале девяностых работал вполсилы, детей забирали часа в четыре. Меня в это время пригласили редактором в новое интересное издание. Бежать сломя голову за ребенком в детский сад в разгар рабочего дня я, понятное дело, не могла, вот и пришлось возвать к его ответственности.

Надо сказать, что перспектива сидеть одному дома никак его не испугала. Он всегда находил себе занятие, долго играл с какой-нибудь игрушкой, сам себя развлекал.

С музыкой же получилось так.

Еще в детском саду дочку записали в музыкальную школу – пришла учительница и отобрала двух девочек. Я сначала удивилась – Машка не могла спеть простенькую песенку, жутко фальшивила. Но оказалось, что у нее прекрасный внутренний слух, и мне пообещали, что к окончанию школы она будет петь... ну не как оперная солистка, но как приличный участник хора точно. Так и получилось. Водить Машу в школу нужно было пешком несколько остановок – транспорт ходил очень плохо, да и с коляской в автобус влезть было довольно проблематично. Тим у нас тогда только родился.

Мне очень хотелось, чтобы дочка играла на пианино. А ей хотелось рисовать... Это уже много позже выяснилось. Но она была доброй и послушной девочкой, с которой мы не знали никаких проблем. «Мама сказала», – этого было достаточно. И мы пошли в школу. Тима таскала с собой – с кем оставишь? Муж на работе с утра до ночи, никаких родственников нет. То несла его то на руках, то в коляске везла. Однажды зимой тащила сына на санках, санки наехали на кочку, перевернулись. Ребенок вывалился. А мы с дочкой идем дальше, увлеченные разговором. И только метров через пятьдесят я поняла, что санки вдруг стали подозрительно легкими! Оглядываюсь и вижу – Тим лежит молча на снегу и ждет, когда про него вспомнят...

Ему было четыре года, и на одном из праздников в музыкальной школе, куда мы, конечно же, заявились все вместе, учительница дочери вдруг сказала:

– Как он здорово ритм чувствует! Приводите его ко мне заниматься, все равно сюда вместе ходите.

– Да ему только четыре, – удивилась я. – Какие с таким малышом занятия?!

– Ничего, я вижу – у него получится.

Наш малыш начал заниматься музыкой, когда ему не исполнилось и пяти лет. Музыка потом настолько прочно войдет в его жизнь, что заполнит все клеточки сознания, перекроет собой все мироздание, разделив существующие вещи и действия на значимые и нет. Музыка – это значимое, все остальное – ерунда. Вот так интуитивный порыв педагога, наверняка просто

увидевшей еще одного неплохого ученика, сыграл в жизни сына не просто значительную, а судьбоносную роль. А иногда мне кажется, что музыка словно ждала, когда появится Тим и выберет ее...

Сын все последующие годы будет только доказывать мои предположения – он станет выбирать только то, что интересно и нужно ему, а не взрослым дядям и тетям, которым кажется, что «другое» – важнее. Я еще не знаю о диагнозе, и его поведение не предвещает ничего необычного, оно вполне укладывается в рамки малышовой «нехочухости».

Но ближе к четырем годам ребенок, который обожал купаться, вдруг наотрез отказывается даже приближаться к ванной комнате. Каждое купание сопровождаются поистине душераздирающие сцены. Я беру его на руки, и заговаривая зубы, несу к ванной. Только лишь увидев дверь ванной, он начинает вопить не своим голосом.

– Сынок, ну не плачь, мы сейчас с тобой будем кораблики пускать! – пытаюсь еще уговоривать его я. – Смотри, какая водичка!

Но он не обращает никакого внимания на мои слова и вцепившись руками в дверной косяк, пытается таким образом затормозить наше продвижение. Я сама, чуть не плача, отрываю его руки от двери и влетаю в ванную. Муж в это время уже набрал немного воды, запустил туда все игрушки, какие есть в доме, и принимает его в свои руки.

– Давай скорее!

Малыш верещит не своим голосом, извиваясь и царапаясь, впечатление такое, что он просто борется за свою жизнь. Начинаю рыдать, муж выгоняет меня из ванной и продолжает сражаться с ребенком в одиночку. Вопли не прекращаются, но кое-как вымытый сын через пятнадцать минут вместе с папой появляется в комнате как ни в чем не бывало. Эта история продолжалась довольно долго, где-то в течение года, и прошла сама собой. Дать объяснение этому случаю ни мы, ни врачи так и не смогли. Лишь много позже я прочитала о таком же эпизоде в книгах нескольких авторов, писавших о своих аутичных детях.

Летом мы решаем вывезти детей к морю. Сыну уже был поставлен диагноз «атопический дерматит, нейродермит». Тот самый удар из-за угла, которого не ожидаешь, ведь диатез мы вроде как вылечили. Но не тут-то было! Всего год с небольшим нам удалось продержаться без этих болячек, а дальше все началось снова.

И лечение требовалось уже совсем другое. Речь теперь шла о том, чтобы не просто облегчить страдания малыша, а назначить серьезное обследование и подобрать лекарства. Правда, никто толком не знал – какие. У меня было такое чувство, что врачи тоже действовали во многом интуитивно, словно нащупывая правильный путь к прочному берегу среди болотистых кочек – а давайте вот этот препарат попробуем, вдруг поможет? А давайте вот на такую диету его посадим... И мы пробовали. И еще, и еще. Но ничего не менялось, а порой становилось только хуже.

– Я советую вам вывезти его на море, – жалостливо глядя на меня, сказала наш дерматолог. – Да недели на три не меньше, а лучше на месяц. Многим помогает... Правда, только на время, но...

И мы поехали. В Евпатории у нас жили друзья, и нам удалось с их помощью устроиться в санаторий, который находился прямо на берегу моря. Это был чудесный отдых в дружной компании наших друзей и их детей. Но... за весь месяц Тим так и не зашел в море... Как только мы его ни уговаривали! И плескались, и плавали у него на глазах, всячески зазывая в теплую целебную морскую воду... Я переживала по этому поводу ужасно. Ну как же так, везли в Крым, специально, чтобы ребенок купался в морской воде! А он даже к морю не подошел. И никакие уговоры не помогли. Ну а затаскивать ребенка в воду силком, как в ванную... Понятно, делать этого мы не стали. И только в последний день, очень осторожно, держа папу за руки, он на мелководье лег на воду и немного в ней побарахтался. И все.

Именно с этого момента я поняла, что наш сын станет делать только то, что будет считать для себя целесообразным. То, что посчитаем целесообразным для него мы, будет напрочь отвергаться или приниматься только под давлением – родителей, учителей или обстоятельств. И то далеко не всегда. Понять-то поняла, но не приняла сразу и безоговорочно. И к этому принятию мне тоже предстояло идти долго и мучительно.

Как я не любила узкие рамки, но попыталась запихнуть в них сына

Мучительно вспоминаю свой первый день в школе. Вы помните его? Я – смутно. В памяти остались только пара довольно ярких эпизодов, связанных с началом обучения.

Впечатление первое – скучное. Читать и писать я давно умею, палочки, которые выводят мои одноклассники, нарисовала за пару минут, что дальше делать – не знаю. Ага, придумала! Достала из портфеля перочинный ножик и старательно, высунув кончик языка от усердия, вырезала на новенькой парте свое имя: «Анюта». Красота! Почему-то, правда, взрослые не оценили всех достоинств моего автографа, учительница в впервые мгновения просто лишилась дара речи, а в следующую минуту уже тащила меня к директору в кабинет, где они вместе с вызванными родителями долго решали, что со мной делать – может, сразу отправить во второй класс? Нет, такого прецедента на памяти директора не было, и выход нашли довольно простой – мне выдавали отдельное задание, а когда я его выполняла, разрешали просто тихо читать любую книжку. Ножик папа отобрал, предварительно отвесив мне замечательный подзатыльник. Парту закрасил.

Впечатление второе – торжественное, омраченное непредвиденными обстоятельствами. Нас должны принимать в октябрюта. Мама нагладила мне всю школьную экипировку тех лет – коричневую форму и белоснежный фартук, завела будильник и отправилась на работу. Жили мы в военном городке и в не только в школу ходили самостоятельно, но и бегали по всему городку, даже не запирая двери квартиры. Слоняясь по дому в ожидании назначенного времени, я вдруг вспомнила про неотложное дело, и связано это дело было почему-то с чернилами... Правильно, чернила я вылила на свой белоснежный фартук и отправилась в таком виде вступать в октябрюта. Звездочку мне прикалывали ровно на шикарное фиолетовое пятно в форме Африки. Что пережила моя аккуратистка мама, даже не могу представить, когда вечером соседка, мамаша моего одноклассника, «сочувственно» спросила ее: «Машенька, что ж фартучек-то дочке не постирала? Все некогда тебе, понимаю!»...

Но все эти неприятности с лихвой компенсировались табелем успеваемости, который выдавался нам в конце года – дневников пока не было. В нем красовались, горделиво подбоченясь, круглые в прямом и переносном смыслах пятерки. Словом, была я отличницей, училась легко, как и когда делала уроки, никто не знал, какие предметы изучала, особенно в старших классах, никто не интересовался.

Вообще, хорошо учиться – наша семейная традиция. Хорошо и отлично учились все: я, моя сестра, мой муж, племянница, муж племянницы... Дочь тоже не отставала, и даже если в чем-то уступала нашим семейным медалистам, почти никаких проблем во время ее школьной жизни мы не испытывали. И представить себе, что эта чудесная традиция вдруг прервется, я не могла даже в самых смелых фантазиях, настолько была уверена в крепких генах, доставшихся мне и моим детям от смешения трех славянских кровей – польской, русской и украинской. Когда я окончательно поняла, что мой сын не будет делать то, что потребовали от него с первых же дней в школе, мне показалось, что я проглотила лампочку и ее осколки впились мне прямо в сердце.

Несмотря на свой... хм, несколько свободолюбивый характер, все домашние задания я выполняла неукоснительно. Тому было, как я сейчас понимаю, несколько причин. Первая и основная – я была ребенком очень самолюбивым, обидчивым и не могла представить даже в страшном сне, что выхожу к доске и блею или мычу, не выучив урок. Я всегда должна была быть первой, и мне это удавалось практически всю мою школьную жизнь. Когда же на моем пути вставали конкуренты, я их просто устраняла. Нет, разумеется, итальянская мафия мной

не привлекалась, а привлекался наш классный хулиган Пашка, которого я подговаривала... ну, немножко конкурента попугать: портфель в грязь кинуть, испачкать тетрадки, слегка поколотить. По мелочи, словом. В результате конкурент оказывался повержен в прямом и переносном смысле, авторитетом я пользовалась непререкаемым, а Пашке и так каждый день доставалось – и по делу, и для профилактики. Но меня он ни разу не сдал.

Причина вторая – мне было очень легко учиться. Схватывала любую тему на лету, дома лишь быстренько проглядывала учебник и... ву а ля! – свободна как ветер. Гуляй во дворе, ходи в кружки, коих в те времена было немеряно, читай книги... Вот последнему занятию я и посвящала практически все свое свободное время. Если выстроить все книги, которые я прочитала за свою жизнь, в прямую линию, вполне возможно, что эта лента обогнет земной шар. Ну или половину.

И наконец, третья причина, которая и сыграла свою довольно неприглядную роль в моей взрослой жизни, когда стали учиться мои дети. Как ни крути, какими современными и свободномыслящими себя не представляй, мы все, все наше поколение вышли из той, советской школы и кодекса юного строителя коммунизма. В те времена хорошо учиться – это была не просто советская идеологическая мантра (помните «Учиться, учиться и учиться, как завещал великий Ленин»!), это было мировоззрение поколения, цель, к которой многие толковые люди двигались, действительно, преодолевая все мыслимые и немыслимые препятствия. И ничего плохого в этом не было. Мы же даже этим гордились. СССР – самая читающая страна в мире! А какие открытия, ученые, какие достижения. Про космос вообще молчу, да и про ядерную программу, к которой мои родители имели самое непосредственное отношение, тоже. И я не могла представить, что когда-то наступит время и учиться станет... не нужно. Или все-таки нужно, но не совсем так, как это понимали мы, люди, которых в колыбели качали выработанные годами поведенческие стереотипы и рамки.

Еще совсем недавно было такое время, когда младенца очень туго пеленали почти до полугода, а иной раз и дольше. Сына я уже практически не пеленала. А сама... так и осталась спеленатая по рукам и ногам, да еще и со строгими принципами юного строителя коммунизма в голове. Ребенок должен хорошо учиться, если нет – он лодырь и бездельник. Тупыми ножницами правил нас всех стригли

под одну гребенку. И я занималась этим же почти все годы обучения сына в

школе.

Первого сентября мой сын, нарядный и с традиционными цветами, переступил порог заведения, пребывание в котором будет мне еще долго сниться в кошмарных снах. И это при том, то он уже давно читал, считал, прекрасно рисовал и играл на пианино.

Первые дни, когда еще осваиваются пресловутые прописи, были вроде бы довольно ровными, спокойными. Учительницу нам по знакомству нашли самую лучшую (по мнению администрации школы), она была заслуженной, в возрасте и со всякими другими регалиями. Назовем ее... предположим, Виолетта Максимовна. Наверное, она и правда была неплохим учителем и человеком. Но в классе у нее ежедневно находилось тридцать первачков – умных и бестолковых, шумных и тихих, худеньких и толстячков, робких и крикливых. Мне абсолютно понятно сегодня, что мой сын просто потерялся в этой массе, и голос учителя, что-то там говорящего у доски, был для него сплошным шумом. У него постоянно словно гудел в голове

колокол, он бил ему по ушам, не давая вычленив говорящего и тем более сосредоточиться на его словах.

Буквально через месяц после начала учебы показались на горизонте первые облака проблем. Начинается все с тетрадок, буквально затянутых краснотерпильной паутиной учительской ручки: вот здесь не отступил две клеточки, а вот здесь – три, а вот здесь... Я честно пытаюсь решить проблему, в которой не вижу ничего криминального, и пытаюсь с учительницей поговорить.

– Виолетта Максимовна, – робко начинаю я, – но он же решил задачу...

– Но записал ее не по правилам! – Она смотрит на меня как на чудовище, которое вдруг открыло рот и разговаривает. – Мы не должны отступать от требований стандарта! Если все тут будут свои правила устанавливать, то...

Что произойдет, она все-таки не говорит, но театрально закатывает глаза, показывая всем своим видом, что при этой катастрофе ей лучше не присутствовать.

Пытка красными чернилами продолжается. Каждая работа, выполненная сыном с нарушением стандарта, тщательным образом переписывается с «правильным» оформлением прямо поверх его каракулей. Видеть это так же больно, как если бы прямо перед тобой препарировали живое существо. Тетрадки Тима словно истекают своей краснотерпильной кровью и молят о пощаде.

Я не выдерживаю.

– Тим, тебе что, сложно эти несчастные клеточки отсчитать? – Мне уже непросто себя сдерживать. – Ты что, до трех считать не умеешь?!

Сын поднимает на меня честный незамутненный взгляд абсолютно уверенного в своей правоте человека и произносит:

– А зачем?

Я окончательно теряю терпение.

– Да потому что так положено! По правилам!

– А... Ну мама, как же ты не понимаешь?! Я и сделал все по правилам. Ответ-то у задачи правильный!

Я понимаю. Я понимаю только одно – сейчас у меня взорвется мозг. Я срываюсь на крик.

– Ты что, издеваешься?! Немедленно пиши так, как положено!

Тим съеживается и вжимает голову в плечи.

Вмешивается муж.

– В таком состоянии он вообще ничего не напишет! Что ты на него орешь!?

– Если ты такой умный, – меня уже «несет» по ухабам, – садись с ним рядом и решай эти дурацкие задачи. А я пошла, погуляю! И посмотрю, что вы тут без меня решаете и как это все запишете!

Я хлопаю дверь и выскакиваю на улицу. Холодный воздух слегка остужает разгоряченную голову, мозги перестают кипеть. Я бреду по темной осенней улице и думаю: что я делаю не так? Что мой сын делает не так? Что мы все не так делаем?

Ответ на свой вопрос я получаю совсем скоро, буквально через неделю, когда прихожу за Тимом в школу. Виолетта Максимовна подходит ко мне и с весьма суровым видом предлагает зайти к ней в класс «на пять минут».

– Анна Михайловна, я бы хотела с вами очень серьезно поговорить.

Я чувствую себя провинившейся школьницей и инстинктивно ощупываю карманы – нет ли там, не дай бог, перочинного ножика. Тьфу ты, ножик у меня отобрал папа, еще в первом классе. Что же тогда...?

– Анна Михайловна, – начинает торжественно Виолетта Максимовна, – мы считаем, что вам нужно перевести сына в класс для детей с ЗПР.

– С чем, простите? – обалдело переспрашиваю я. – И кто такие «мы»?

– Мы, уважаемая, это педсовет! – Виолетта с возмущением выпаливает эту фразу, сразу ставя меня на место – кто здесь я и кто педсовет. Понимала чтобы.

– А ЗПР – это задержка психоречевого развития, – великодушно добавляет она.

– Но кто... Когда... – я начинаю заикаться. – Но кто поставил моему ребенку такой диагноз?! Вы хотя бы знаете, что он прекрасно рисует, ходит в музыкальную школу – уже целых два года!

– Это конечно, все чудесно, – Виолетта Максимовна невозмутима как статуя Свободы. – Но это совсем не значит, что он может учиться с... нормальными детьми. Он психологически не готов к школе.

– И в чем это проявляется? – Я чувствую, как ко мне подкрадывается старая подруга паника – ку-ку, давно не виделись!

– Он катастрофически не успевает выполнять работу со всем классом! – Виолетта все-таки смягчается, видимо, увидев мое лицо. – За то время, когда класс решает три-четыре задачи или примера, или пишет несколько упражнений, Тим делает только одно!

Я все еще продолжаю глупо улыбаться. Мне все еще кажется, что Виолетта скажет хотя бы что-то хорошее о моем ребенке. Но она произносит это слово «одно» так, что я ясно вижу у нее в руках огромную единицу и понимаю – если сию секунду не перестану улыбаться, она с размаху шмякнет ею по незащищенной моей улыбке. Я сжимаю губы.

– Вы что, не открываете тетради сына, не видите, что там написано и какие стоят оценки? – Сочувствие, мгновение назад промелькнувшее в ее зоре, сменяется искренним недоумением.

– Нет, почему же... Я открываю... в смысле, я и уроки делать ему помогаю... Но... мне казалось, что он просто очень медлителен, несколько рассеян... Но ведь он понимает, как решать задачу! И пишет довольно грамотно. – Я кожей чувствую, что учительница меня не слышит.

– Слегка рассеян?! Это вы называете – слегка?! Да я до него по полчаса не могу достучаться! Зову и по имени, и по фамилии, а когда уже просто подхожу и трясую его за плечо, тогда он наконец-то просыпается! И встает с таким видом, будто хочет спросить: «Кто вы все здесь такие, и что я тут делаю?»

Виолетта от возмущения покрывается пятнами, и в ее голосе я с удивлением улавливаю жалобные нотки – вот, мол, какие стрессы мне приходится переносить из-за вашего сына. Я же натурально впадаю в состояние ступора.

– И с письмом у него тоже проблемы! Он не разделяет слова в предложении, да что там – он и сами слова не может поделить на слоги! Начало предложения может написать со строчной буквы, а в середине обычное слово, не имя и не название – с прописной!

Виолетта говорит еще что-то. Но мне достаточно и этого.

– Но ведь еще только начало второй четверти, – пытаюсь я воззвать к ее педагогической интуиции. – И это же только первый класс! Он научится! Он... знаете какой...

– Я знаю только одно, уважаемая Анна Михайловна! – Виолетта уже снова говорит довольно спокойным отретушированным голосом. И каждое слово ее будто гвоздем вколачивается в крышку гроба, в котором я уже хороню свою надежду на мирное, как у дочери, школьное будущее. – Ваш сын не способен работать в классе. Мы направляем его на психолого-педагогическую комиссию. О дате я сообщу вам отдельно. И я действительно – слышите, действительно! – рекомендую вам показать его специалистам. И логопеду в том числе.

Я выхватываю из ее речи знакомое слово. Да, логопеду... Но мы уже два года ходим к логопеду!

– Мы уже два года ходим к логопеду в нашей же школе. – Я все еще пытаюсь выбраться из-под обломков обрушившейся на меня информации. – Но результата практически нет. Я не знаю, к кому еще обратиться...

– Вот на комиссии вам все и расскажут! – Виолетта начинает перекладывать на столе тетрадки, ясно давая понять, что на этом разговор закончен.

Мне слышать все это, конечно же, неприятно, но всего масштаба трагедии я пока еще не осознаю. Ну не может быть задержки ... этого самого развития у ребенка, который изучил всю популярную медицинскую энциклопедию, вдобавок к ней – астрономическую карту неба, знает, как называются планеты Солнечной системы, перечитал все книги про динозавров, пишет картины маслом, акварелью, сочиняет музыку... Который может по слуху подобрать симфонию Бетховена, имитирует иностранные языки, даже китайский! Да он же... собирает сложные конструкторы, все время что придумывает, изобретает, играет с роботами-трансформерами! Какая задержка?!

Я иду домой, Тим плетется рядом, в голове роятся все эти мысли, я веду мысленный гневный спор и с Виолеттой, и со всякими комиссиями... Но не знаю только одного – все эти особенности, вкуче с озвученными Виолеттой, уже указывают на расстройство аутистического спектра (РАС). И специалисту эти признаки видны сразу. Но такой человек на нашем пути появится еще очень нескоро. Диагноз будет поставлен, но что с этим делать, мне так никто и не скажет. А я буду долго и безуспешно в одиночку биться в глухую стену.

Как Тим находит друга в трещине, а комиссия находит у него задержку развития

В стену он смотрит уже битый час. Водит по ней пальцами и что-то шепчет. Что он там нашел, на этой облупленной, сто лет не крашеной стене?! Я порываюсь спросить его об этом, подхожу и... молча отхожу, продолжая пробежку по длинному школьному коридору, странно тихому и пустому.

Мы ждем, когда нас пригласят в кабинет, где заседает психолого-медико-педагогическая комиссия. Ждем уже почти час. Раздражение мое начинает вспухать и вот-вот выплеснется из берегов.

– Что ты там увидел, Тим? – Я все-таки притормаживаю возле сына и трогаю его за руку. Он вздрагивает, поднимает на меня глаза, и я вижу, что он не здесь, не в этом гулком школьном коридоре с потертым линолеумом и облупившейся краской на стенах.

– Мама... Тссс... Тихо... – Сын прижимает палец к губам. – А то он испугается.

– Господи, да кто он-то?

– Он... Видишь вот эту трещину? – Тим проводит рукой по замысловатой извилистой дорожке, образовавшейся после того, как кто-то очень упорный эту краску отколупал. Или сама отвалилась – от древности. Школу, поди, в последний раз еще в семидесятых ремонтировали, а на дворе – девяностые. Н-да... Девяностые... Не до ремонтов, когда учителям по полгода зарплату не платят. И у нас на работе неизвестно, когда хоть какой-нибудь авансикшко дадут... Мои мысли сворачивают к насущным проблемам, но голос сына возвращает меня в школьный коридор.

– Ну мама же, видишь?!

– Да вижу, Тим, вижу! Трещина как трещина. Покрасить давно пора стены...

– Ты что! Он же тогда не выйдет, его замуруют!

– Да кто он-то, Тимочка?

– Маленький такой человечек. – Тим показывает крошечное расстояние между большим и указательным пальцем. – Он здесь давно живет, я его видел и даже с ним разговаривал.

– Тим, это ты придумал, я понимаю. Очень интересно, но...

– Мама! Я ничего не придумал! Знаешь, как за ним интересно наблюдать! Вот сама постой рядом и увидишь. Хотя тебя он может испугаться...

Я открываю рот, чтобы произнести какую-нибудь лекцию о пользе фантазии и том, что нужно для нее знать место и время, но дверь в класс, где заседает комиссия наконец-то приоткрывается, оттуда выходит такая же несчастная затурканная мамаша с не менее затурканным дитенком. И нас приглашают войти. Я хватаю Тима за руку, и мы влетаем в кабинет – скорее уже говорите, что вы там про моего ребенка понапридумывали, и мы пойдем домой.

В классе за столом сидят с очень строгим видом несколько женщин, одна – в белом халате. Ага, ну да, комиссия же – медико...

– Мальчик, подойди к нам, – неожиданно ласково и доброжелательно говорит одна из них. – А вы, мамаша, посидите пока рядом.

Ну хорошо, хоть не выгнали. Я сажусь за маленькую парту и внутренне напрягаюсь до звона в ушах. Ох, не нравится мне эта «ласковая»...

Тем временем дамы спрашивают сына, как его зовут, в каком классе учится. Что они, за идиота его принимают?! Я делаю протестующее движение вперед, но «ласковая» меня опережает:

– Не волнуйтесь, это стандартная процедура.

Да, как же, знаем мы ваши стандартные процедуры. Сейчас он заволнуется, собьется и прямиком в класс коррекции вы его и засунете. Тем временем за столом уже идет оживленная беседа – психологи задают Тиму вопросы, он на них, надо сказать, вполне достойно отвечает. Нужно только несколько раз напомнить ему, что все ждут ответ. Ну да это мне не в новинку и ничего ужасного я в этом не вижу – рассеянный у меня мальчик, только и всего. Человек рассеянный с улицы Бассейной... Я вспоминаю картинку из детской книжки, на которой человек рассеянный идет по улице с дуршлагом на голове и в перчатках на ногах, и начинаю улыбаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.